

DOI: 10.23671/VNC.2020.74.58010

ЛИЧНОСТЬ В ЛОКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ: СТЕРЕОТИПНЫЕ РАССКАЗЫ ОБ ИЗВЕСТНЫХ ЛЮДЯХ В ФОЛЬКЛОРЕ ЧЕРКЕССКОЙ ДИАСПОРЫ В ТУРЦИИ

М. М. Паштова

Черкесская (адыгская) диаспора Турции, рассредоточенная во всех регионах страны, образована в результате известных исторических событий середины XIX в. – окончания Кавказской войны и депортации основной части коренного населения Северо-Западного Кавказа на территорию Османской империи. В течение полуторавекового периода оторванного от исторической территории существования здесь образовалось несколько крупных очагов черкесской культуры. Один из них – анклав Узун-Яйла – находится в Центральной Анатолии, близ г. Кайсери. Материал настоящего исследования собирался автором в этой и других местностях Турции в ходе фольклорно-этнографических экспедиций (2009, 2011, 2014, 2015, 2018 гг.) методом глубинного интервью, аудио- и видеofиксации и заметок в полевом дневнике, а также методом включенного наблюдения (2018-2019 гг.). Это устные рассказы о выдающихся людях (мемораты, анекдоты, притчи), являющиеся одним из наиболее продуктивных фольклорно-жанровых образований в локальном репертуаре Узун-Яйлы. Предмет исследования – характер бытования, прагматика нарративных текстов об известных личностях в контексте локальной традиции. Возможность и необходимость исследования стереотипных устных историй, рождающихся вокруг имен известных личностей как источника культурных знаний, приобретают особую актуальность в свете проблем таких направлений научной мысли, как локалистика и регионоведение. В предлагаемом аспекте фольклор черкесской диаспоры рассматривается впервые. Цель исследования – на материале отобранного корпуса текстов выявить, каким образом фольклоризируются образы героев исторического прошлого, а также недавно живших выдающихся людей; определить основные тематические группы исследуемых устных текстов, их прагматико-коммуникативные функции. Основные выводы исследования: в условиях отсутствия письменности на родном языке, официальных средств внутриобщинной коммуникации циклы рассказов об известных личностях выступают в пространстве исследуемого анклава в качестве инструментов социорегуляции и структурирования местного знания, одним из маркеров социально-групповой идентичности черкесов диаспоры.

Ключевые слова: локальный текст, известная личность, черкесы, диаспора, Узун-Яйла.

В контексте проблем описания локальных фольклорных традиций исследователи неизбежно приходят к мысли о важности такой составляющей локального текста, как местный ономастикон (топонимикон и антропонимикон) (см. об этом: [1; 2, 421; 3, 179]). В исследуемом материале мы можем выделить несколько корпусов нарративов, в которых антропонимы выступают в качестве одного из текстообразующих элементов: тексты «классического» фольклора (реперту-

ар мужских гостиных домов [4]) и тексты, включенные в более поздние местные дискурсивные практики (мемораты, анекдоты, диалоги, реплики, высказывания). Обозначенные корпусы текстов представляют исследовательский интерес в ряде аспектов: вариативность текстов о выдающихся персонажах устной истории в контексте коллективной памяти; характер иерархии героев устных рассказов – исторических и поздних персонажей, представителей определенной социаль-

ной (сословной, половозрастной, профессиональной) группы; имя как ключевой текстообразующий элемент в устных рассказах об известных людях; прагматика рассказов о выдающихся личностях в свете внутриобщинной и межкультурной коммуникации и др.

Исторический герой в локальном тексте

Корпус текстов «классического» фольклора исследуемой диаспорной традиции отмечен достаточной сохранностью антропонимов и топонимов в лирико-героических песнях, которые фиксируются также в других анклавах диаспоры и исторической территории (Северо-Западного Кавказа). Это имена известных деятелей истории, героев различных войн.

Коллективная память диаспорного анклава базируется, как известно, на истории заселения новой территории [5, 74-79]. «Знание о родине (*Хэкужь*)», в том числе фольклорно-исторического антропонимикона, включенного в дискурс о родине, лежит в основе этнокультурной и локальной идентичности и целого ряда социально-гендерных компетенций.

Так, одним из наиболее сохранных является цикл рассказов об историческом персонаже XVIII в. Жабаги Казанок, отличающихся повышенной прагматической функциональностью. Как известно из документов, реальный прототип – Жабаги исторический – принадлежит дворянской фамилии. В узун-яйлинских рассказах о происхождении и неоднозначных поступках Жабаги мы имеем две объяснительные стратегии. Согласно первой, Жабаги имеет благородное происхождение, другая по закону фольклорного жанра наделяет исторического героя необычным происхождением.

По версии сказителя Али Шогена, каждый год в Кабарду приходили татары (*квэзанхэр*) изготавливать саман (*чырбыш ягвэжыну*). Среди них была одна

красивая девушка и ее засватали за отца Жабаги. Отсюда его имя – *Квэзаньквэу* [6, 37-38]. По версии информанта Фехми Хапаша, он не имел большой родословной, но был каном (воспитанником) князя Кайтукина¹. Информант Газиз Макей, рассказывая вариант известного сюжета «*Жэбагы квулыквум яхутехьэрквым*» («Жабаги отказывается от должности»), употребляет выражение «*сэ си лвэпквыр гвэцигвэуэнГымэ*» («мой род непримечателен») ².

В устных нарративах, описывающих этнографическое явление под названием «*жэназы Из Эт*» (поднятие руки во время траурной церемонии), его история прочно привязывается к имени Жабаги Казанок: «это обычай, им завещанный».

Имя Жабаги Казанок прочно вошло в устно-речевую культуру диаспоры, в традиционных и современных устных нарративах оно образует ряд фразеологических сращений и речевых клише. Так, широкое распространение имеют выражения «*дэ ди хабзэр зыухуар Жэбагыс*» («наше хабзэ (закон, обычай) установлено Жабаги»), «*хабзэр зытрахар Жэбагыс*» («хабзэ идет от Жабаги», букв. «сняли с Жабаги»). В контексте рассуждений об авторитетности героя наши информанты рассказывают: «*Жэбагы хабзэ*» *жари псалгэжву щыгэс*» («Есть такое присловье – “Жабаги закон”») ³; «*Узун-Яйлэм сыт илву, сыт щыцгэми, Квэзэноквэу Джэбагы ищгэуэ жэлэтэм!*» («В Узун-Яйле что бы ни было, что бы ни делалось, говорили, что [так] делал Джабаги!»); «*Згуэрэкгэ зэныквэуэкву хвумэ, квэбэрдейм, дыдейм, жэлэр арат: “Уэлей, а сэ жыслэр Джэбагы и квануным напиплгэ квызэбдзэкГым этхуанэм итым!” – жэлэт. “Уэлей, ар Джэбагы идэмэ, си пащгэуэ узгэупсынэтэм!”*»⁶ («Если спор какой-то возникал, кабардинцы, наши, говорили так: “Уaley⁵, то, что я говорю написано в каноне Джабаги после четырех страниц на пятой!” – говорили. “Уaley, если бы Джабаги с этим

согласился, я позволил бы сбрить мои усы!»).

Как видно из приведенного текста, одно лишь упоминание имени персонажа используется как самый убедительный довод и способ утвердить выражаемое мнение. Прагматичность, когнитивная насыщенность цикла рассказов о Жабаги Казаного привязывает его к современным проблемам, актуальным для общественно-бытовой ситуации в зарубежной черкесской диаспоре – сохранению родного языка и культуры: «Жэбагы еуицIахэт, жи, а зэманым, “адыгэр зэрыцыIэр даурэ тицIэну?» – жаIати... – Хабзэмрэ бзэмрэ здэцымыIэм адыгэ цыIэIым, – жиIас».⁷ – «Жабаги спросили в то время, “как нам знать, что адыги все еще существуют?” – спросили и... – Где нет хабзэ и [адыгско-го] языка, там адыгов нет, – ответил».

Узун-яйлинские нарративы о родине (Хэку) представляют собой тексты с достаточно высокой частотностью употребления собственных имен. Это относится и к циклу песен и преданий о Кавказской войне (Рус зауэ). На примере функциональности цикла одного из известных персонажей можно проследить, каким образом исторический контекст, выстраивающийся за личностью одного человека, формирует отдельные топики современного общественно-бытового дискурса. Речь о популярном герое Кавказской войны князе Магомете-Аше Атажукине (*ХьэтIохьуцокьуэ Мыхьэмэт-Иэшэ*).

Он – исторический персонаж, чье имя упоминается во многих источниках периода Кавказской войны [7, 197; 8, 356-358; 9, 138-143; 10, 80, 117]. В исторических документах и фольклорных сборниках герой упоминается как Магомет-Аш, Мохаммед-Аше-Атажуко, Магомет Колчерукий, Магомет Короткорукий, Сухорукий. Так, Флориан Жиль пишет: «У переселившихся черкесов и кабардинцев был один герой, князь Мохаммед-Аше-Атажуко. Одновременно рыцарь и поэт,

он был идеалом всех черкесов, видевших в нем олицетворение мужества» [9, 138]. Устные рассказы о Магомете-Аше, как в Узун-Яйле, так и в метрополии, представляют собой развитый самостоятельный цикл с устойчивыми сюжетами и мотивами, с классическими признаками фольклоризации исторического персонажа: «*ХьэтIохьуцокьуэ Мыхьэмэт-Иэшэус зэрыцыIэр. Зауэм цызауэурэ и Iэр кьауIауэ, пылэлу, тIэкIунитIэ и фэм иIыгьыжу, шым тесу, и кьуажэ псынэм деж кьыщыувыIэжым, и кьэиэным, псынэм тету, “псы кьызэт” жери, кьыIухри... И Iэблэр кьыщылъагьум, мэхас, жи, и кьэиэныр. Езым и г'атэ IэцIыр кьрихс, пиуицI, иригьэхуэхри, кьуажэм кьыдыхьэжри... Абы иужь “Мыхьэмэт-Иэшэу” и цIэр ахуэду Iуас. Iэджэрэ дзэр зэришэжас, жи, абы иужь»⁸. – «Я знаю как “Магомета-Аше” <Однорукого>. Сражался в бою и ранил руку, с еле висящей на коже <кистью>, сидя на коне, он у сельского родника когда остановился и у стоящей возле родника своей невесты попросил “дай воды”, и взял... Увидев его руку, она упала без чувств, говорят, его невеста. А сам он вынул свой короткий меч, отрезал [руку], сбросил и вернулся в село... После этого его имя стало известно как “Магомет-Однорукий”. Долго еще он водил войска, говорят, после этого».*

По одному из нарративов исследуемого нами корпуса текстов, Магомет-Аше приехал в узун-яйлинское селение Атажукино, и «не захотев выпить и глотка кофе, покинул кунацкую» со словами: «[...] -тIымрэ [...] -тIымрэ кьахуэнэжа хьэтIохьуцыкьуейр фыIлапхьэц!»⁹ – «Двум [...] -овым и двум [...] -евым¹⁰ на попечение оставшиеся атажукинцы, вы все равно что вымерли!» Основным посылом в данном случае является этический упрек, адресованный целому селению (шире – всем черкесам), подразумевающий утрату прежних духовных, рыцарских качеств.

Исторический Магомет-Аше погиб в сражении под Ставрополем в 1846 году. И попытка «вписать» имя героя в более поздние события и привязать его к местности, где он никогда не бывал, является собой пример дихотомии *факт исторический / факт фольклорный*. Подобные стратегии текстопорождения объяснимы, как и в случае с Жабаги Казаноко, высокой социальной прагматикой устных рассказов об известных людях.

В бесписьменном диаспорном сообществе, каковым является узун-яйлинское, упоминание имен героев исторических войн, основных сюжетов устной истории является важным элементом дискурсов этнической идентичности. Статус человека (социально-гендерный, сословный) напрямую связан с его компетентностью в вопросах устной истории, т.е. знанием имен героев войны, кавказских топонимических названий («откуда выселились твои прадеды») и пр.

Человек в локальной истории анклава

Достоянием локального текста, сформировавшегося за полтора столетия изолированного существования анклава Узун-Яйла, становятся имена представителей народной власти (старейшин, потомков аристократических фамилий, духовенства), именитых девушек-гармонисток, поэтов-импровизаторов, певцов, мастеров игры на инструментах, врачей, кузнецов, табунщиков и др.

Фольклоризация персонажей способствует тому, что контекст бытования этих нарративов расширяется, сюжеты об известных узуняйлинцах выходят за географические пределы анклава и распространяются по всему анатолийскому региону. При этом работают специфические, характерные для диаспоры, модели и коммуникативные условия текстопорождения [4], а жители соседних селений и анклавов маркируют эти «именные» истории и анекдоты как «узун-яйлинские».

Так, за пределами местной общины широко известен цикл историй о старейшине по имени Хажумар Тох из узун-яйлинского селения Малый Анзорей (*Анзорей Цыклу, Пазарсу*). Истории о нем условно можно разделить на две основные группы. В первую входят мемораты и притчи о том, как Хажумар примирял враждующих кровников, участвовал во всенародных собраниях, наставлял молодежь. То есть это тексты, прагматическая функция которых является преимущественно информативно-когнитивной, социально-регулятивной. Вторую группу текстов составляют смеховые истории, связанные с именем Хажумара: как он вместе с сельской молодежью разыгрывал незадачливых гостей, как он присутствовал и что говорил на танцевальных игрищах, его игровые диалоги с близкими и друзьями и т.п.

Мемораты и истории о Хажумаре, которые приобретают устойчивые типологические признаки анекдота, красноречиво иллюстрируют наш тезис о том, что границы бытования узун-яйлинской фольклорной традиции не всегда совпадают с географическими, административными границами «Большой» Узун-Яйлы [11, 130]. Локальные явления, фиксируемые в «Малой» (или внутренней) Узун-Яйле, иногда имеют достаточно широкое распространение, в том числе в пространстве анатолийского региона. Как отмечает И. А. Морозов, «в некоторых случаях локальные явления могут иметь «вирусный» характер, т.е. способны быстро распространяться за рамками исходной территории вслед за своими носителями» [12, 39]. В определенной коммуникативной ситуации имя известного человека и знание связанных с ним сюжетных историй могут выступать маркером локальной идентичности.

В контексте рассказов о Хажумаре часто упоминается имя его современника и единомышленника Хафиза-эфенди

Адамея. Более того, можно сказать, что вокруг этого имени также формируется свой цикл нарративов. Духовное лицо, освященное не столько своим саном, сколько всенародной славой мудреца, знатока одновременно Корана и *Адыгэ Хабзэ*¹¹, Хафиз-эфенди, по воспоминаниям современников, обладал чистым нравом и авторитетом, благодаря которому ему иногда предоставлялось право занимать традиционно пустующее, табуированное место в почетном «верхнем» углу гостинных домов¹². В одном из мемуаров об эфенди информант употребляет труднопереводимое словосочетание *Хьэфиз-эфэндим и жыІэхуэ*¹³, иллюстрирующее, каким образом имя в отдельной локальной традиции формирует свою сферу.

Типология устных рассказов о Хафизе-эфенди указывает не только на фольклоризацию персонажа, «обрастание» его имени устойчивыми мотивами, возможно, не связанными с действительными событиями, но и на признаки мифологизации его образа. Например, утверждение о том, что если на молодоженов навели порчу, то противостоять ее силе может только *накях*¹⁴, написанный рукой Хафиза-эфенди¹⁵, и т.п.

Итак, продолжая в перспективе анализ материала, пополняя перечень имен известных людей, образы которых фолькло-

ризировались в устной традиции анклава Узун-Яйла, мы заметим, что каждый из центральных персонажей является представителем определенной социальной (сословной, половозрастной, профессиональной) группы. Соответственно, стереотипные нарративы о них можно группировать следующим образом:

- предания о героях черкесской истории, воинах, предводителях;
- предания, мемуары, притчи о народных мудрецах и философах, старейшинах, представителях аристократических фамилий;
- рассказы о духовных лицах, отмеченных особым уважением¹⁶;
- рассказы об именитых девушках-гармонистках, владелицах девичьих салонов;
- рассказы о местных поэтах-импровизаторах и музыкантах;
- рассказы о лекарях;
- рассказы об известных табунщиках, наездниках и др.

Устные истории об известных людях, структурируясь вокруг имени определенного персонажа и сюжета, различаются по стилю, интонации повествования, прагматико-коммуникативным функциям. В числе последних: *идентифицирующая функция, социально-регулятивная функция, когнитивная функция, рекреативная функция.*

Примечания:

1. Инф. Фехми Хапаша, 1930 г.р., с. Хапашей, р-н Узун-Яйла. Соб. М. М. Паштова, М. А. Табишев, 2011, г. Анкара (Турция).
2. Инф. Газиз Макей, 1951 г.р., с. Анзорей, р-н Узун-Яйла. Соб. М. М. Паштова, Х. Юксель, 2011, г. Кайсери (Турция).
3. Инф. Мамет Тлепшуко, сел. Кабактепе (Тамбийхабле), р-н Узун-Яйла. Соб. М. М. Паштова, Х. Юксель, 2011, г. Кайсери (Турция).
4. Инф. Махпара Сасык, 1945 г.р., с. Сасыкхабле, р-н Узун-Яйла. Соб. М. М. Паштова, М. А. Табишев, Х. Юксель, 2009, г. Кайсери (Турция).
5. *Уалей* – клятва именем Аллаха, то же, что и *Валлахи*.
6. Инф. Фехми Хапаша, 1930 г.р., с. Хапашей, р-н Узун-Яйла. Соб. М. М. Паштова, М. А. Табишев, 2011, г. Анкара (Турция).

7. Инф. Эмин Пшиготыж, 1936 г.р., с. Ст. Жаботей, р-н Узун-Яйла. Соб. М. М. Паштова, 2011, г. Кайсери (Турция).
8. Инф. Мамет Карашей, 1962 г.р., сел. Шерефие (Астемырей), р-н Узун-Яйла. Соб. М. М. Паштова, М. А. Табишев, 2009, с. Шерефие (Турция).
9. Инф. Пекиза Агой, 1928 г.р., с. Малое Атажукино (*Хьэт1охъушцкъуей Ц1ык1у*), р-н Узун-Яйла. Соб. М. М. Паштова, 2018, г. Кайсери (Турция).
10. Рассказчица называет две известные в Узун-Яйле фамилии.
11. *Адыгэ Хабзэ* – черкесский правовой и морально-этический кодекс.
12. Инф. Махпара Сасык, 1945 г.р., с. Кархалак, р-н Узун-Яйла. Соб. М. М. Паштова, М. А. Табишев, Х. Юксель. 2009, г. Кайсери (Турция).
13. Букв. «слова-остатки», т.е. афоризмы Хафиза-эфенди, выражения, оставленные в наследие.
14. *Накях, никах* – брачный договор, молитва.
15. Инф. Мусаметин Канан, 1935 г.р., с. Жериштей, р-н Узун-Яйла. Соб. М. М. Паштова, 26.08. 2011, Майкоп (Россия).
16. По выражению одного из наших информантов, «они наставляли не с помощью чалмы и бороды» (*уэлеи, ахэр сарыкърэ жьак1эрэк1э мыхъуэжэт*). Инф. Ханафи Ахмет, сел. Жериштей, р-н Узун-Яйла. Соб. М. М. Паштова, 2015, г. Кайсери (Турция).

-
1. Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность, жанровая система, этнопоэтика. Архангельск, 2004.
 2. Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А. Материалы к «Словарю локального текста Могилева-Подольского» // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 419-421.
 3. Басангова Т. Г. Фольклорная экспедиция, посвященная 100-летию со дня записи героического эпоса калмыков «Джангар» // Новые исследования Тувы. 2011. № 4. С. 178-188.
 4. Паштова М. М. Черкесский гостиний дом: опыт исследования универсальных и локальных культурно-исторических форм // Вестник КБИГИ. 2014. № 4 (23). С. 26-41.
 5. Власов А. Н. «Память места» как аспект теоретической проблемы локальности/региональности в русском фольклоре // Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике – проблемы и перспективы / отв. ред. М. В. Ахметова. М., 2015. С. 70-82.
 6. Anadolu'da Çerkes Kültürü: Halkbilim Alan Araştırması Materyalleri / Derleyen, Önsözve Yorumlar: M. M. Pashtova [Культура черкесов Анатолии: материалы полевых исследований / сост., предисл. и коммент. М. М. Паштовой]. Ankara, 2017. (на турецком языке)
 7. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. III. Ч. 2: Время Алексея Петровича Ермолова. 1816-1826 годы / под ред. генерал-майора Потто. Тифлис, 1904.
 8. Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2008.
 9. Жиль Ф. А. Письма о Кавказе и Крыме / сост. и пер. с французского К. А. Мальбахова. Нальчик, 2009.
 10. Дубровин Н. Черкесы (адыге). Краснодар, 1927.
 11. Паштова М. М. К проблеме исследования локальных идентичностей черкесов Анатолии: на материале анклава Узун-Яйла // Вестник науки АРИГИ (Спецвыпуск). 2017. № 12 (36). С. 126-136.

12. Морозов И. А. Отличительные признаки локальных традиций: акции с участием ряженых // Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике – проблемы и перспективы / отв. ред. М. В. Ахметова. М., 2015. С. 37-52.

Pashtova, Madina M. – Erciyes University (Kayseri, Turkey); mazako71@gmail.com

PERSONALITY IN LOCAL CULTURAL TRADITION: STEREOTYPICAL STORIES ABOUT FAMOUS PEOPLE IN FOLKLORE OF THE CIRCASSIAN DIASPORA IN TURKEY.

Keywords: local text, famous person, Circassians, diaspora, Uzun-Yayla.

The Circassian (Adyg) diaspora of Turkey, dispersed in all regions of the country, originated due to the famous historical events of the mid-XIXth century – the end of the Caucasian War and the deportation of the main part of the indigenous population of the North-West Caucasus to the territory of the Ottoman Empire. During the half-year period of existence, pulled away from the historical territory, several large centers of Circassian culture were formed here. One of them, the Uzun-Yayla enclave, is located in Central Anatolia, near Kayseri. This study is based on the material collected by the author in this and other areas of Turkey during folklore-ethnographic expeditions (2009, 2011, 2014, 2015, 2018) during in-depth interviews, audio and video recording and making notes in the field diary, as well as by the method of included observation (2018-2019). These are oral stories about outstanding people (memorates, anecdotes, parables), which are one of the most productive folklore-genre creative forms in the local repertoire of Uzun-Yayla. The subject of the study is the nature of existence and pragmatics of narrative texts about well-known personalities in the context of the local tradition. The possibility and necessity of studying stereotypical oral stories begotten around the names of famous personalities as a source of cultural knowledge are of particular relevance in the light of the problems of such areas of scientific thought as localistics and regional studies. In the proposed aspect, the folklore of the Circassian diaspora is considered for the first time. The purpose of the study is to reveal through the material of the selected texts how the images of heroes of the historical past, and recent outstanding people are folklorized, as well as to identify the main thematic groups of the oral texts under study, their pragmatic and communicative functions. It is concluded that in the absence of writing in the native language and official means of internal communication, cycles of stories about well-known personalities act in the space of the enclave under study as tools of social regulation and structuring of local knowledge, one of the markers of social group identity of the diaspora Circassians.

REFERENCES

1. Drannikova, N. *Lokal'no-grupповые prozvischcha v traditsionnoi kul'ture Russkogo Severa. Funktsional'nost', zhanrovaya sistema, etnopoetika* [The local factional nicknames in the traditional culture of the Russian North. Functionality, genre system, ethno-poetics]. Arkhangelsk, Pomor University, 2004. 432 p.
2. Alekseevsky M., Zherdeva A., Lurie M., Senkina A. *Materialy k «Slovaryu lokal'nogo teksta Mogileva-Podol'skogo»* [The materials on «The local text dictionary of Mogilev-Podolskiy»]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological forum]. 2008, no. 8, pp. 419-421.
3. Basangova, T. *Fol'klornaya ekspeditsiya, posvyashchennaya 100-letiyu so dnya zapisi geroicheskogo eposa kalmykov Dzhangar* [The folkloric expedition devoted to the 100th anniversary of recording of the Kalmyk heroic epic of Jangar]. *Novye issledovaniya Tuvy* [New Researches on Tuva]. 2001, no. 4, pp. 178-188.

4. Pashtova M. *Cherkesskii gostinyi dom: opyt issledovaniya universal'nykh i lokal'nykh kul'turno-istoricheskikh form*. [A Circassian guest house: the practice of researching of its universal and local cultural historical forms]. *Vestnik KBIGI* [Bulletin of the Kabardino-Balkar Institute for Humanitarian Studies]. 2014, no. 4 (23), pp. 26-41.

5. Vlasov A. «*Pamyat' mesta*» kak aspekt teoreticheskoi problemy lokal'nosti / regional'nosti v russkom fol'klore [The «memory of a place» as an aspect of a theoretical problem of locality / regionality in the Russian folklore]. *Regional'nye issledovaniya v fol'kloristike i etnolingvistike – problemy i perspektivy* [Regional researches in Folklore studies and Ethnolinguistics – problems and prospects. Collected articles. Ed. M. V. Akhmetova]. Moscow, Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, 2015, pp. 70-82.

6. Pashtova, M. M. (comp.) *Anadoluda Çerkes Kültürü: Halkbilim Alan Araştırması Materyalleri* [The culture of Circassians of Anatolia: the materials of field researches]. Ankara, Kafdav Yayıncılık, 2017. 144 p. (in Turkish)

7. Potto, V. A. (ed.) *Utverzhdenie russkogo vladychestva na Kavkaze. T. III. Ch. 2: Vremya Alekseya Petrovicha Ermolova. 1816-1826 gody* [Approval of the Russian authority in the Caucasus. Vol. III. Part 2: The time of Alexey Petrovich Ermolov. 1816-1826]. Tiflis, Shtab Kavkazskogo voennogo okruga, 1904. 590 p.

8. Tornau, F. *Vospominaniya kavkazskogo ofitsera* [Memoirs of a Caucasian officer]. Moscow, AIRO-XXI, 2008. 456 p.

9. Gille, F. *Pis'ma o Kavkaze i Kryme* [The notes on the Caucasus and Crimea. Comp. and transl. from French by A. Malbakhov]. Nalchik, GP KBR RPK, 2009. 288 p.

10. Dubrovin, N. *Cherkesy (Adyge)* [Circassians (Adyghe)]. Krasnodar, Obshchestvo izucheniya Adygeiskoi avtonomnoi oblasti, 1927. 416 p.

11. Pashtova, M. *K probleme issledovaniya lokal'nykh identichnostei cherkesov Anatolii: na materiale anklava Uzun-Yaila* [On the problem of researching of local identities of Anatolian Circassians: on the materials of Uzunyayla enclave]. *Vestnik nauki ARIGI (Spetsvypusk)* [Bulletin of the Adyghean Republic Institute for Humanitarian Studies (a special issue)]. 2017, no. 12 (36), pp. 126-136.

12. Morozov, I. A. *Otlichitel'nye priznaki lokal'nykh traditsii: aktsii s uchastiem ryazhenykh* [The special features of local traditions: guiser actions]. *Regional'nye issledovaniya v fol'kloristike i etnolingvistike – problemy i perspektivy* [Regional researches in Folklore studies and Ethnolinguistics – problems and prospects. Collected articles. Ed. M. V. Akhmetova]. Moscow, Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, 2015, pp. 37-52.